

протоиерей
Владимир Чугунов

ЦЕРКОВЬ
ВОИСТОВОЮЩАЯ

Владимир Чугунов
Церковь воинствующая

МОФ «Родное пепелище»

2012

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

Чугунов В. А.

Церковь воинствующая / В. А. Чугунов — МОФ «Родное
пепелище», 2012

ISBN 978-5-98948-046-3

В книге литературным языком изложены жизнеописания святых и подвижников благочестия двух веков, от времён преподобного Серафима Саровского до наших дней, пример которых для нас, ищущих спасения, неоценим и дорог. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-98948-046-3

© Чугунов В. А., 2012
© МОФ «Родное пепелище», 2012

Содержание

Ботсурманский праведник	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Протоиерей Владимир Чугунов

Церковь воинствующая

Допущено к распространению издательским Советом Русской Православной Церкви

© Чугунов В. А.

* * *

*«Брань наша не к плоти и крови, но к духам злобы поднебесной»
Послание Апостола Павла*

Предисловие

Слова апостола Павла о том, что «брань наша не к плоти и крови, а к духам злобы поднебесной», раскрывают сокровенный смысл духовного делания. Этот же апостол свидетельствует в послании, читаемом во время крещения, что во Христа крестившиеся, отныне усилием духовного подвига должны облечься и в Его свойства. Иначе говоря, совершенный образ Иисуса Христа, изображенный в Евангелии, отныне должен стать нравственным примером всей нашей жизни. (И образ нашей жизни заключается не только в прилежном изучении закона Божия, но так же и, прежде всего, в жительстве, согласно воли Божией.) Такая жизнь именуется праведной. Апостолу Павлу, как человеку учёному, было вверено дело проповеди языческому Риму. Знакомство с историческими и литературными памятниками того времени наглядно показывает, с какими трудностями пришлось столкнуться апостолу в деле проповеди христианства в древнем языческом мире. И слова апостола о том, что «отныне не я живу, а живущий во мне Христос», обращённые к людям, среди которых безраздельно царствовал культ плоти, раскрывают всю глубину и смысл христианского делания. Действительно, если, как утверждает тот же апостол, все члены его собственного тела отныне – члены Тела Христова, как же можно сделать их членами греха и всякой нечистоты? Не очевидно ли, что отныне цель всякого христианина, не только хранить в чистоте дарованную ему посредством таинства крещения «ризну Христову», но и восходить «от силы в силу», то есть постоянно пребывать в подвиге духовно-нравственного совершенства. Это вступление в ряды воинов Христовых, как раз, и налагает на христианина обязанность вести брань с «духами злобы поднебесной».

Многие по неведению склонны идеализировать прошлое. Особенно теперь, когда, уничтожив крестьянство, как мешающий строительству земного рая класс, досыта нажившись без Бога, как только «Боженьку разрешили», судорожно ухватились за соломинку своей суетной веры, думая, что она сразу всё и вся вытащит, что стоит только отвернуться от прежних идолов и повернуться к храму, как всё само собой устроится. Когда же этого не происходит, начинают обманывать и себя и других тем, что раньше-де и жить и спастись было легче. Увы! Дорога в Царство Небесное во все времена лежала через тесные врата и путь скорбный.

Предлагаемая вниманию читателя книга на примере жизни святых и подвижников благочестия наших дней показывает, что Господь, по слову преподобного Серафима Саровского, «и вчера и днесь один и тот же», что не было во всю историю человечества времени лёгкого для спасения. Внимательное чтение житийной литературы, книг святых отцов, по слову святителя Игнатия (Брянчанинова), благотворно воздействует на нашу душу, уродняет её святым, делает нашу молитву предметнее, теплее, действеннее, как бывает действительно обращение к человеку

близкому и родному, а ещё, и это важно знать, побуждает святых на ответную молитву вместе со всей Торжествующей Церковью. Таким образом происходит единение «Церкви торжествующей» с «Церковью воинствующей», к которой все мы, живущие на земле и верующие во Христа, принадлежим.

Протоиерей Владимир Аркадьевич ЧУГУНОВ

Ботсурманский праведник

Однажды умер в приходе отца Алексия мальчик лет двенадцати. Событие, конечно, редкое и печальное, но для жителей села Бортсурманы оно было громом среди ясного неба. Плач и рыдания вошли почти в каждый дом. Одни винили себя в этой внезапной смерти, другие сокрушались о драгоценной потере. А потеря и в самом деле была великой – по величию дара, которым наделил Господь этого дивного отрока.

Он и впрямь будто родился ангелом. Многие и принимали его за ангела. Куда бы он ни пришёл, всюду приносил с собой небо. Бывало, дерутся мужики или бабы друг дружку за волосы таскают, вдруг появится на пороге он, этот тихий ангел, застынет в дверях, не проронит ни слова, только взгляд такой необыкновенный, такой неопишимо прекрасный, что как увидят его, сразу уймутся. А он улыбнётся, станет вдруг таким ясным, светлым и выпорхнет вон. И стали замечать, что неспроста он появляется там, где шли ссоры и драки. Ибо стоило ему показаться, как тут же водворяется мир. За это и прозвали его тихим ангелом. Так и порхал он от избы к избе. Никто и никогда не слышал от него ни одного слова, разве что родителям иногда скажет что-нибудь. Но родители его были люди простые, крестьяне, и когда начинал он говорить им о Царствии Небесном, о том, что говорят ему порой ангелы, они, ничего не понимая, в страхе и благоговении крестились.

И вот пришла беда. По случаю какого-то торжества перепились мужики, пошёл разгул чуть не на неделю и завершился дракой.

А мальчик взял и умер. Когда неожиданная весть облетела село, поднялся страшный вопль. Мужики рвали на себе волосы, вина себя в смерти отрока. Бабы выли и причитали. Всем селом, окружив избу, где лежал усопший, плакали и каялись пред Богом в грехах своих, забыв и о работе, и о хозяйстве.

А мальчик лежал в гробу как живой – и на лице его, как у живого, была улыбка. И как глянут на эту улыбку, так то одного, то другого без чувств вынесут из избы. Целую неделю не хоронили отрока, пока не показались признаки тления. Принесли гроб в церковь.

Началось отпевание. От слёз и рыданий ни священник не мог служить, ни певчие петь. Всяк винил себя в этой внезапной смерти. На тех, кто пьянствовал и дрался, жалко было смотреть.

Не менее других переживал это событие отец Алексей. Старенький, согбенный, внешне очень похожий на своего современника и сотаинника по благодати преподобного Серафима Саровского, он отошёл от гроба и, войдя в алтарь, стал пред престолом с воздетыми, как на Херувимской, руками.

– Боже мой, Боже мой! – слышались проникновенные, исполненные глубокой веры слова молитвы. – Ты видишь, нет у меня сил дать отроку сему последнее целование. Непусти же меня, раба Твоего, иерея, уйти из храма сего посрамленным, да не посмеется надо мною, Твоим служителем, враг рода человеческого, что я, по немощи прервал требу. Не по силам она мне, Господи. Внемли стенаниям и плачу раскаявшихся, внемли страданиям родительского сердца, внемли старческому моему воплю. Не отнимай от нас отрока сего, Тобою данного нам во исправление, для вразумления, для утешения и прославления Имени Твоего Святого. Не Ты ли, Господи, сказал, что дашь всё, о чём с верою будем просить Тебя! Не Ты ли, Милосердный, изрек: «Просите, и дастся вам». Боже Праведный, в Храме сем нет никого, кто бы смог подойти к отроку сему с целованием последним. Нет этих сил и у меня, Твоего иерея...

Всё стихло... Опустившись на колени перед престолом, как с живым уже беседовал отец Алексей с Богом:

– Так, Господи, так, но воскреси же его, ибо Ты всё можешь, Ты наш Господь и Вседержитель, по смирению, а не по гордости дерзаю...

И точно оглушительный раскат грома, раздался за спиной потрясённого священника пронзительный крик воскресшего отрока. Отец Алексей обернулся – мальчик сидел во гробе.

Склонившись пред престолом, священник со слезами благодарил Господа. Затем с помощью дьякона поднялся, опираясь на его руку, вышел из алтаря. Что творилось в церкви, передать трудно! Женщины с плачем тянулись к мальчику, чтобы завязать ему глаза, а он, не сопротивляясь, сидел и молча глядел на них. Только к одной наклонился и сказал тихо: «Не надо...»
А она возьми и закричи на всю церковь:

– Голубочек наш, ангелочек наш, не надо, так и не надо!..

Протиснувшись к гробу, отец Алексей велел дьякону отнести отрока в алтарь, посадить на стул. Сам опустился на колени, и, стоя на коленях, причастил его. От потрясения он не мог стоять на ногах. Затем велел передать отрока родителям, а сам потребовал поставить на середине церкви стул и сидя отслужил молебен Спасителю и прочитал акафист Божией Матери. На этом же стуле отца Алексея отнесли домой и уложили в постель, где он пролежал с неделю.

После этого чуда батюшка прожил ещё три года, а отрок – шесть лет и умер на девятнадцатом году.

Давно это было. И сам отец Алексей жил давно. Преподобный Серафим Саровский, ни разу не видев отца Алексея в жизни, говорил о нём приезжавшим из тех мест людям: «Зачем вы едете ко мне? У вас есть отец Алексей. Молитвами своими он подобен свече, возженной перед престолом Божиим. Вот труженик, который, не имея обетов монашеских, стоит выше многих монахов. Он как звезда горит на христианском горизонте».

* * *

Родился отец Алексей Гнеушев (по иным сведениям – Гневушев) 13/26 мая 1762 года в семье сельского священника. Скупые консисторские записи свидетельствуют: окончил Нижегородскую семинарию, на 22 году жизни вступил в брак и преосвященным Нижегородским Дамаскиным рукоположен в дьяконы к церкви Успения Пресвятой Богородицы села Бортсурманы, через тринадцать лет преосвященным Нижегородским Павлом рукоположен в священники к той же церкви. При ней служил до глубокой старости, при ней в 1848 году похоронен, при ней 17 августа 2000 года обретены его мощи, при ней 26 мая 2001 прославлен в лике святых, в ней теперь находится рака с его честными мощами. 86 лет жизни, 64 года дьяконского и священнического служения, из них долгие годы тяжелейшего аскетического подвига, молитвенного труда. Ещё раз отметим вслед за преподобным Серафимом: всё это – вне монастыря, без старческого духовного руководства, посреди мира. Подвиг этот ещё большего вызывает уважения, когда припоминаешь слова святителя Феофана Затворника, обращённые к святому Иоанну Кронштадтскому, много лет спустя возложившему на себя подобный крест. «Вы взяли за дело, – писал владыка, – за которое не только у нас в России, но и на Востоке, никто и никогда не брался, находясь вне стен монастыря, не имея опытного духовного наставника. Всё это или приведет к ужасному падению, или закончится ничем». Святитель ошибся, всё окончилось иначе.

Чтобы в полной мере понять величину подвига бортсурманского праведника, давайте непредвзятым взглядом пройдемся по историческому полю того времени. Посмотрим, чем было оно для народа, для духовенства, для Церкви.

В 1762 году, месяц спустя после рождения будущего праведника, на престол вступила Екатерина II. В своём манифесте при восшествии на трон она осудила неправославное направление своего предшественника и обещала восстановить поколебленное им православие. Она щедро раздавала награды, целовала руки у иерархов, соблюдала посты, заставляла говеть весь двор. Однако, религия для нее, как и для большинства оторвавшегося после Петровских реформ её дворянского окружения, была лишь важной политической силой, которую, как они считали, трогать не следует, которой наоборот нужно пользоваться, как наилучшим орудием для управления народом и для блага государства. На западе в то время всюю шла ломка пап-

ского престола, долгое время мешавшего развитию государства. Упразднились инквизиторские трибуналы, сжигавшие на своих кострах самых лучших представителей своего народа. Закрывались духовные школы и особенно монастыри, в кельях которых более двух столетий учёными монахами, вместо умного делания, тщательно разрабатывалось богословское учение, оправдывающее и пытки, и костры, предназначенные, как считали они, для истребления ведьм и «злых еретиков». И хотя у нас никогда не было ничего подобного, европейское направление взглядов передалось и нам. В дворянской среде уже открыто говорили и о религиозном фанатизме, и о вреде двух властей – светской и духовной, и необходимости ослабления силы духовенства, и об отнятии у него церковного имущества. Пугачёвский бунт, во время которого хотя и погибло более 230 духовных лиц, тем не менее, открыл перед правительством истинную картину настоящего положения духовенства. Несмотря на синодский указ о лишении сана всякого поползнувшего в верности престолу священнослужителя, духовенство Самары, Саранска, Нижнего Ломова, Пензы встречало самозванца в полном составе и присягало на верность. Лишение сана по тому времени было равнозначно обречению священника и его семьи на голодную и холодную смерть. Ни земли, ни жилья своего сельское священство не имело. Надо заметить, что, практически, до революции 1917 года белое духовенство находилось под грозой этого жестокого и бесчеловечного закона. Лишённый сана священник и позже, даже после упразднения сословий, когда дети священников, наконец, получили возможность поступать в светские высшие учебные заведения, по закону не мог устроиться на работу в своей губернии в течение десяти лет. Указ о лишении сана «поползнувших в верности престолу» священников впоследствии пришлось всё же отменить для тех, кто примыкал к Пугачёву «из страха». Пугачёвский бунт был жестоко подавлен, но не была уничтожена духовная болезнь, породившая его, и поразившая русский народ со времён церковного раскола 1666 года. Раскол продолжал углубляться, а народное сознание дробиться на всё новые и новые раскольничьи учения.

В ноябре 1796 года покойную императрицу сменил Павел I. Он явился ревнителем власти и противником западных идей, приведших Францию к кровавой революции. Но отношение государства к Церкви в целом не изменилось, хотя стоит сказать, что во время правления Павла I Святейшим Синодом был издан указ об отмене телесного наказания для духовенства. Согласитесь, само только упоминание о практике телесных наказаний для священников, применяемое архиереями, унижало не только человеческое достоинство, но и священный сан. Но таковы были нравы того времени. И обижало духовенство не только епархиальное начальство. Ещё во времена Екатерины II в Синод и Сенат постоянно шли из епархий жалобы на обиды духовенства от помещиков, урядников, столоначальников... О материальном обеспечении духовенства того времени Арсений Мациевич писал: «У нас многие изволят лучше кормить собак, нежели священников. Иные же помещики от церквей земли отнимают, и управы на них не изыскать». Материальное положение немного улучшилось при Павле I, но в основном городского священства, получившего содержание от государства, сельское же священство, лишённое земельных наделов, жило исключительно от треб, копеечные цены на которые, так называемые таксы, вопреки церковным канонам установленные ещё при Екатерине II, со временем превратили сельское духовенство в глазах народа в крохоборов. При Павле I было отменено и всенародное избрание кандидатов в священники, в результате чего народ был окончательно устранён от участия в управлении церковном. В первые века христианства, кстати, народ не только избирал кандидатов в пресвитеры, но и кандидатов в епископы. Таким народным избранником, как и все епископы того времени, был и святитель Николай Чудотворец. Долгое время практика устройства первой апостольской Иерусалимской церкви сохранялась во всех поместных церквях неприкосновенной. Но со временем принцип государственного управления империей (назначение, вместо избрания, абсолютизм, вместо соборного мнения), вошло и в практику управления церковного. В полной мере это осуществилось после разделения Церковью на Западе и выразилось в папизме.

Царствование Александра I было ознаменовано ещё большим отходом дворянства от веры отцов, повальным увлечением высших слоёв общества оккультизмом, идеями масонства. Русский народ пережил ужасное по тем временам бедствие – отечественную войну 1812 года. В 1825 году увлечение идеями масонства привело некоторых представителей дворянства на Сенатскую площадь. Впервые на всю Россию прозвучал лозунг о свержении Богом установленной власти – монархии. Однако простой народ ещё оставался верным Богу, Царю и Отечеству, покорно нёс своё тягло, возложив всё упование на Господа Бога. Вместе со своим народом несло это тягло и духовенство, особенно же сельское духовенство, как и народ, задавленное нуждой. И вот такое непростое время (а было ли оно когда простым?) выпало на долю отца Алексия.

* * *

О детстве, отрочестве и юности будущего праведника и молитвенника за землю русскую, практически, ничего не известно. Никаких сведений не сохранилось и о его родителях. Если в житиях многих известных святых мы читаем, что тот или иной святой родился от благочестивых родителей и даже, как преподобный Сергий, избран «от утробы матери», обстоятельства рождения отца Алексия покрыты таинственным умолчанием. Более того, сказано, что первое время своего служения он проводил жизнь далеко не подвижническую и даже предавался пьянству. Но жизнь его круто изменилась после одного случая.

Как-то ночью приехали его звать к умирающему больному в соседнюю деревню. Отец Алексей рассердился, стал выговаривать, зачем потревожили его ночью по такому пустяку, что больной, верно, не так уж и плох и доживёт до утра, отослал посланного назад, и лёг спать. Но заснуть уже не смог – мучила совесть, мерещился умирающий больной. Наконец, не выдержав, отец Алексей поднялся, оделся и отправился к больному.

Застал он его уже мёртвым на лавке под образами – а рядом стоял Ангел со Святою Чашею в руках. Видение так поразило отца Алексия, что он упал на колени и всю оставшуюся ночь молился.

Домой он вернулся совершенно другим человеком и с этого дня повёл жизнь праведную, подвижническую, которой не изменил до самой кончины. Ежедневно совершал Литургию, по возможности придерживаясь монастырского устава. Келейное правило у него было такое: полуночное – полуночница, 12 псалмов избранных, житие святого того дня, из Пролога поучение того дня; утреннее – молитвы утренние, часы, акафист или преподобному Сергию, или великомученице Варваре, или святителю Митрофанию; полуденное – четыре кафизмы; вечернее – канон Спасителю с акафистом, канон Пресвятой Богородице с акафистом, канон Ангелу Хранителю, молитвы на сон грядущим, поклоны с молитвой Иисусовой. Ночью при всяком пробуждении также клал поклоны. Вообще всех поклонов в течение суток у него было полторы тысячи. Пишу вкушал только один раз в день. Мяса не употреблял совсем. По средам и пятницам не вкушал ничего горячего. Строго соблюдал посты и во время постов не вкушал ни рыбы, ни масла. В первую и последнюю неделю Великого поста никто в доме не знал, чем он питался. В эти дни, по его приказанию, ему вовсе не приносили никакой пищи. Занимался батюшка и рукоделием – плёл лапти, корзины, обихаживал пчельник, садовничал, огородничал...

Надо заметить, что любое молитвенное правило, будь оно даже и такое большое, как у отца Алексия, как и пост, и рукоделие, не есть сама добродетель, а всего лишь средство к стяжанию её, ибо суть молитвы не в числе, а во внимании, а что касается поклонов, так преподобный Амвросий Оптинский заметил, что Богу нужны не наши ноги, а наше сердце – «Сыне, даждь Мне сердце твое». То же самое можно сказать и о посте, ибо и он есть всего лишь средство к стяжанию добродетели. Святитель Игнатий (Брянчанинов) по этому поводу приводит удивитель-

тельный пример из собственной жизни. Однажды в храме Сергиевой пустыни под Петербургом, где он был тогда наместником, он встретил прибывшего с Афона монаха. Проходя мимо него в церкви, он заметил исходящий от того жар. Одет же был монах легко, на ногах вообще ничего, а на дворе был лютый мороз. Святитель пригласил подвижника к себе на беседу, в результате которой выяснилось, что монах носит ещё и власяницу на теле, читает ежедневно 12000 Иисусовых молитв, сопровождающихся разными видениями, занимается сухоядением, не чувствует мороза, ежедневно делает по полторы тысячи земных поклонов, а под конец рассказа даже с видимостью смирения прибавил – не добавить ли к молитвенному правилу ещё «Иисусовых и поклонников». Святитель сразу понял, что перед ним человек, находящейся в духовной болезни – «прелести», и посоветовал попробовать (просто ради эксперимента) иной способ молитвы, а именно, чтобы во время произнесения её слов не проскользнула ни одна посторонняя мысль, а ум был совершенно свободен от всяких мечтательных образов и целиком заключён в слова молитвы, ибо, заметил он, «рассеянная молитва оскорбляет величие Божие». Монах, разумеется, согласился. На прощание святитель посоветовал ему взять номер в гостинице непременно на первом этаже. На удивлённый вопрос, ответил: «А вдруг вам во время молитвы придёт мысль, идти по воздуху из Петербурга на Афон, и вы, упав с высоты второго этажа на мостовую, разобьётесь насмерть?» На что тот с удивлением ответил, что эта мысль уже не раз приходила ему и прежде, но что он был совершенно убеждён, что его, по слову Господню, ангелы понесут на руках... Результат превзошёл все ожидания. На утро горе подвижник прибежал к святителю с упрёком, что он своим советом лишил его «всего»: теперь он не только не может молиться, как прежде, но даже и одной молитвы не может произнести со вниманием, а ещё стал мёрзнуть, когда до этого совершенно не чувствовал холода, физически ослаб, нуждается в регулярном приёме пищи, тогда как прежде мог неделями ничего не вкушать.

И подобных случаев в святоотеческой литературе множество. Поэтому к приведённому выше молитвенному правилу прибавим, что проходил его отец Алексей весьма и весьма осторожно. Не избежал он, как и многие другие подвижники и делатели молитвы, множества искушений, о чём свидетельствуют и его собственные записки и воспоминания игуменьи Арзамасского монастыря Марии, которой отец Алексей рассказывал то, что не открывал другим. К сожалению, в дошедших до нас записках помещицы Пазухиной ни слова не говорится о смысле этих видений и откровений, не объясняется, как относиться к ним, а просто о них упоминается. А надо бы сказать, что все они вполне могли привести и к «прелести», и к падению, а также послужить соблазном для не по разуму ревностного читателя. Ну, например.

«Во время опасной болезни, – пишет игуменья Мария, – когда сей праведный старец лежал на одре своём с великим терпением, он удостоился слышать такое сладкое пение, которое никакой язык человеческий передать не может, и Сама Царица Небесная с великомученицей Варварой, одяна в белые ризы, посетила раба Своего страждущего и без всяких врачей сотворила его здрава».

Надо бы сразу заметить, что, хотя подобных случаев чудесных исцелений немало описано в житийной литературе, тем не менее, они являются всего лишь исключением, а не примером для подражания, как и питание пророка Илии воронами.

В записках самого отца Алексея о видениях и откровениях высшего порядка говорится, что однажды ночью ему явился Господь Иисус Христос в царской одежде и благословил его. Рядом со Христом стояли три девы в белых одеждах, в которых подвижник признал три добродетели – веру, надежду и любовь. Явилась затем и Царица Небесная. И слышал он голос, который вещал: «Сей есть Сын Мой единородный, Сын Божий».

Явление Господа в сопровождении трёх дев и Царицы Небесной, очевидно, произошло вовсе не для того, чтобы сообщить то, что отец Алексей и так знал – о трёх главных христианских добродетелях, например, или о том, о чём не раз пел вместе с народом в храме: «И во

Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, иже от Отца рожденного прежде всех век...» Смысл видения, вероятнее всего, был в духовной поддержке, в которой он, очевидно, лично нуждался. Если святителя Феофана Затворника насторожила подвижническая жизнь отца Иоанна Кронштадского, почему же не могла насторожить она и даже восстановить против отца Алексия не только близких родственников, но и братьев-священников? Посудите сами, единственный не только на всю округу, а на всю Россию какой-то сельский батюшка вдруг взялся «чудить». И это не пустые домыслы или предположения. Ни один священник из всей округи ни разу не посетил его, не испросил совета, не оставил никаких воспоминаний. Даже близкие родственники, тот же отец Павел Вигилянский, женатый на его внучке и которому батюшка передал приход, или дьякон, присутствующий при чуде воскресения отрока, не оставили никаких воспоминаний об этом удивительном человеке, а ведь это были самые грамотные люди того времени. Что это? Нет пророка в своём Отечестве, зависть, непонимание, равнодушие?

Но продолжим об откровениях свыше.

Во время французского нашествия, в 1812 году, когда отец Алексей молился за литургией, чтобы Господь даровал России победу над врагом, он увидел Ангела, посланного Богом, который возвестил ему, что силы небесные двинулись на помощь, что враг будет сокрушён, и что возрадуется вся Россия.

Другой раз во время евхаристического канона, когда отец Алексей произносил слова: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим ниспославый...» – он услышал глас, как бы сходящий на Тело и Кровь Христову, и голос этот вещал: «Сей есть Сын Мой возлюбленный».

А однажды отец Алексей слышал райское пение и видел Самого Господа, Который сказал ему: «Паси овцы Моя, паси избранныя Моя, внемли стаду Моему. Аз же ты поставих над оным стадом горою святою Моею и стража церкви».

14 февраля 1814 года за божественной литургией возвещено было ему от Ангела Господня, что с этого дня он начал проходить ангельскую службу, и в ту же ночь в сонном видении он поклонялся в алтаре Сущему в огне и в свете неизреченном, Самому Богу.

Сам отец Алексей никак не комментирует этих событий и это наглядно свидетельствует о его духовной мудрости – не отвергать и не принимать, ибо хорошо знал из учения святых отцов, что суть христианской жизни не в получении утешений и откровений, а в терпении находящих скорбей. Лишь спустя много лет, незадолго до смерти он расскажет о них всего лишь одному близкому ему по духу человеку, игуменье Марии. Ей же одной рассказывал он и об искушениях дьявольских.

«Во время ночных молитв и поклонов, – записывает она с батюшкиных слов, – враг так сильно смущал его, что приподымал от земли и сильно ударял об пол, и только Божие подкрепление и защита хранили его. Когда же, по немощи телесной, он успокаивался сном, то и тут бесы не оставляли его в покое, толкали и кричали: «Что ты спишь? Царь едет», или: «Пожар у тебя в келье, и ты погибнешь», или: «Воры расхитят у тебя всё!» Каждый раз, пробуждаясь от таких видений, праведный иерей сей творил поклоны или читал Псалтирь и тем укреплял телесную немощь».

В собственных записках отца Алексия есть такие слова: «Попусти Бог на мя искушение и множество многое диаволов снидися; едва-едва мог именем Господа Бога моего избавиться от них. И литургию едва мог отправить, сопротивляхся им, и заступи мя Пречистая Богородица Владычица и святые Ангелы и угодники Христовы, а, впрочем, что скорбей и болезней от злых диаволов принял, также ношных злых видений Божиим попущением за грехи мои тяжкие, но милостию Божиею спасен был».

Однажды, измученный диавольскими искушениями, отец Алексей молился перед образом Спасителя, чтобы Господь разлучил его душу с телом – и увидел, как образ Спасителя прослезился, и услышал голос, который обещал ему венец праведный.

В одном из своих писем к игуменье Марии батюшка писал: «Терпи, надейся и получишь помощь Божию, а с ней можешь победить и все восстания врага душ человеческих. Не было бы искушений, не было бы и венцов. Воина за то и венчают, что он грудью стоит против врага за своё Отечество. Враг же души нашей гораздо опаснее всех тех врагов, которые бывают в обыкновенном сражении».

Все эти искушения, как видим, отец Алексей побеждал смирением, считая виною попущения их исключительно свои грехи, тем самым ещё раз подтверждая свою осведомленность в святоотеческом учении, которое при любом искушении советует произносить слова благоразумного разбойника: «Достойно по грехам моим приемлю. Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

* * *

Как уже было выше сказано, главным занятием отца Алексея после видения Ангела Божия была молитва, пост, бдение и регулярное совершение служб церковных. Нам, живущим в более расслабленное по духу время, уже само ежедневное совершение суточного круга богослужений кажется бременем неудобноносимым, а если вспомнить ещё, что утренняя во всех храмах тогда по уставу начиналась в четыре часа утра, после чего следовал двухчасовой перерыв и служилась литургия, то и просто настоящим подвигом. А отец Алексей при этом придерживался ещё и монастырского устава. Молился он, как свидетельствуют очевидцы, постоянно и в своей келье, которую вынужден был пристроить к дому, чтобы не только не стеснять своими подвигами домашних, но и иметь возможность скрывать их от посторонних глаз.

Семейство отца Алексея к тому времени состояло уже из пяти человек: жены Марии Борисовны, женщины очень трудолюбивой и набожной, сына Льва и двух дочерей – Надежды и Татьяны. Позднее у него жили родной брат Александр, заштатный дьякон, и восприимная дочь Матрона.

Дела подвижнические для человека, живущего среди общества, в котором во все времена было немало нищих и убогих, не может не сопровождаться делами милосердия.

Так было и с отцом Алексием. Бедных и неимущих он наделял, чем мог. Часть денег, которые получал от богатых почитателей, отдавал на украшение Бортсурманской церкви, но большую часть, по слову Божию, раздавал неимущим. Поскольку все священники тогда, в том числе и священники-монахи (кстати, вплоть до 1961 года, до богоборческих хрущёвских нововведений) были на «кружке», то есть получали на руки пожертвования за исправление треб и иных богослужений, а не зарплату, как теперь, отец Алексей имел возможность с неимущих и бедных за исполнение треб и служб церковных деньги не брать. Более того, благодаря этой самой «кружке» имел возможность бедным раздавать холсты, чулки, другие необходимые вещи, от своих трудов – лапти, которые плёл обыкновенно после обедни, сидя на лавочке перед окном своей кельи. Частенько крестьяне, которых постигало бедствие (пожар или падёж скота) находили у себя неизвестно кем подкинутые деньги, которые помогали им заново отстроиться и поправить хозяйство. Никто не знал, откуда приходила эта чудесная помощь, пока однажды не увидели, как отец Алексей, подобно святителю Николаю Чудотворцу, тайком подкладывал деньги одному погоревшему мужику. Такое поведение, конечно, не могло не привлечь к добродушному пастырю простых и отзывчивых народных сердец.

До выхода за штат отцу Алексию много приходилось ездить по приходу для исполнения треб, и ездил он ко всем с великой радостью и готовностью. А вот в гости ходить не любил, поскольку не любил проводить время в праздности и в пустых разговорах. Поэтому от при-

глашений всяких постоянно отказывался. Бывал лишь, да и то в самых крайних случаях, у своей внучки, супруги отца Павла Вигилянского, у сына Льва, бездетного священника соседнего села, да у помещика села Бортсурманы Д. С. Пазухина, которого любил и уважал. Семейство Пазухиных в свою очередь глубоко почитали отца Алексея за его многотрудную праведную жизнь. Уважали и почитали его и многие другие помещики, не только из ближайшей округи, но и из соседних губерний – ездили к нему, писали ему письма, испрашивали благословения на те или иные дела, просили совета, святых молитв. Все они признавали его за великого угодника Божия, молитвенника и целителя.

Надо сразу сказать, что, практически, все свидетельства о силе молитвы отца Алексея и случаи его прозорливости относятся к последним десяти-двенадцати годам его праведной жизни. А это ещё раз напоминает ревностным не по разуму, что путь духовного совершенствования долог и труден, и далёк от всякого самочинства.

Тогда же отец Алексей стал принимать и страждущий, чающий помощи народ. Желавших предпринять какой-либо подвиг он или благословлял или отговаривал, смотря по откровению свыше. Больных и немощных исцелял молитвами своими. Страждущих утешал словом Божиим. Порою читал приходившим наставления, но всегда с такой кротостью и любовью, что невольно привлекал сердца. Единственные, к кому он относился строго, были колдуны и ворожеи. Их он даже не впускал к себе и приказывал передать, что примет только тогда, когда они покаются перед Богом и бросят своё бесовское занятие. Порицал он не только самих колдунов, но и всех, кто к ним обращался. Поскольку сам отец Алексей не любил праздности, он и других всегда учил трудиться.

По выходе за штат за девять лет до своей кончины отец Алексей передал своё место отцу Павлу Вигилянскому, как уже было сказано, женатому на его внучке от старшей дочери Надежды, а вместе с местом – и все заботы по хозяйству, и уже больше не входил в них. Таким образом, удалив от себя мирские хлопоты, отец Алексей предался высшему молитвенному подвигу – затворничеству. Домашние не тревожили его в уединении, приходя только в тех редких случаях, когда требовались их услуги.

На вид отец Алексей в это время был уже седым согбенным старцем. Лицом своим, как уверяют, очень походил на преподобного Серафима Саровского. Глаза светились миром и любовью, какой-то внутренней духовной радостью и словно озаряли всё вокруг. Взор у него был проникновенный. Казалось, он насквозь видел каждого человека, читая в его душе самые сокровенные мысли. Роста отец Алексей был небольшого. Голос у него был тихий и мягкий, как в обыденной жизни, так и при совершении Богослужений. В одежде он придерживался крайней простоты. Бельё носил из простого крестьянского холста, рясы почти никогда не одевал, а ходил в полукафтани из нанки. Последние тридцать лет своей жизни он совсем не ходил в баню, а под конец носил власяницу, в которой и был по собственному желанию похоронен. Спал он на жёстком войлоке, постоянно ходил в лаптях, сапоги надевал только в храм Божий. К старости от долгих молитвенных стояний у него сильно болели и пухли ноги, и он дома иногда ходил в вязанках. В маленькой убогой келье его были только небольшая печь, жёсткий топчан, стол с несколькими стульями и аналой, поставленный перед образом Смоленской Божией Матери с постоянно горевшей лампадкой.

Эти последние годы жизни праведника особенно наполнены разнообразными свидетельствами чудесной помощи, посылаемой Богом по его святым молитвам. Приведём некоторые из них.

* * *

В двадцати пяти верстах от Бортсурман, в небольшом провинциальном городке Курмыш, в сороковых годах XIX века жила семья Растригиных – муж, жена и дочь Татьяна, с рожде-

ния не владевшая ногами. Все провинциальные городки того времени походили друг на друга. Деревянные, редко где кирпичные одноэтажные или с полуподвалами дома, цветущие по весне сады, гуляющие перед домами куры, гуси, утки, гужевая дорога меж; домов главной улицы, ярмарка у церкви, а вокруг холмы, поля, леса да луга, с пасущимися стадами. Все в таких городах друг дружку знали. Поэтому и в Курмыше все прекрасно знали о родительской скорби Растригиных. Сочувствовали, жалели больную девочку. Особенно же, когда её выносили летом на крыльцо и сажали на стульчик. Зимой девочка сидела у окна и часами смотрела, как лепили соседские ребята снеговиков, катались на санках. Взгляд её всегда был задумчив и печален. А уж как скорбели родители, одному Богу известно.

Когда слух о святости жизни отца Алексея дошел до Растригиных, они, не раздумывая, решили нести в Бортсурманы свою больную шестилетнюю дочь. Растригин был человек состоятельный, торговал красным лесом, держал паром на Суре, он вполне мог бы нанять лошадей, но жена из усердия отправилась в Бортсурманы пешком. Весь путь она несла Танечку на руках. В Бортсурманы пришла под вечер. Без труда отыскала дом праведника.

Батюшка встретил их на пороге своей кельи. Назвав девочку по имени, хотя видел её первый раз в жизни, он возложил ей на голову руку, затем благословил и её, и мать, и помолился вместе с ними. На другое утро молился опять. Потом помазал ноги ребёнка маслом из горячей перед образом Смоленской Божией Матери лампадки и, благословив ещё раз обеих, отпустил, сказав, что будет молиться.

На половине пути Танечка вдруг попросилась с рук на землю. Горько сделалось матери от этой её просьбы. Она заплакала, но всё же опустила девочку на землю. Однако, к великому своему удивлению, увидела, что дочь, слабо шевеля ножками, поползла. Когда девочка устала, мать опять взяла её на руки. И так ещё несколько раз по её просьбе опускала на землю, и с каждым разом девочка всё лучше и лучше владела ногами. Когда же они, наконец, добрались до Курмыша, девочка уже твёрдо стояла на ногах и сама вошла в дом. Радости родительской не было предела. Весть мгновенно облетела весь город, всю округу.

* * *

Практически, в то же время у рыбака Луки Шулаева случилась беда – глубоко в руку вошёл крючок. Рука разболелась, распухла. Родные гонят Луку к доктору, а он всё – ладно да ладно, само пройдёт. И дотянул – стало ему совсем плохо. Пошёл он к доктору, а тот, глянув на руку, сказал, что уже ничем помочь не может. Тут уж Лука не на шутку перепугался – неужели конец? Не долго думая, собрался – и бегом в Бортсурманы. Пришёл к отцу Алексею, плачет, жалится, просит помочь. Батюшка помолился, помазал палец маслом. Ступай, сказал, с Богом. И в ту же ночь снится Луке, подбежала к нему огромная крыса и выгрызла большое место на руке. Проснулся он совершенно здоровым.

А вот у крестьянки Зиновии из деревни Лисья Поляна пять лет болели нога да бок. Ходила она к отцу Алексею несколько раз. Он молился над ней, благословлял, и она выздоровела. Вскоре она вышла замуж и дожила до глубокой старости.

Крестьянин Нижегородской губернии Сергачского уезда села Ожгибовка Алексей Шляпников уже несколько месяцев страдал болезнью, от которой всё тело его скрючило. Знакомая женщина посоветовала обратиться за помощью к отцу Алексею. Родные погрузили мужика на телегу и привезли в Бортсурманы. Батюшка оставил больного у себя, сказав родным, что даст знать, когда за ним приехать.

Через неделю прибыл в Ожгибовку нарочный. Приехав в Бортсурманы, Шляпниковы застали Алексея совершенно здоровым. По дороге родные стали любопытствовать, как было

дело, на что Алексей с радостью рассказал, что батюшка никаких лекарств ему не давал, а только молился, читал над ним какую-то книжку и три раза в день благословлял.

А другой раз привезли в Бортсурманы бесноватого, здоровенного, высокого роста мужика, связанного по рукам и ногам железными цепями. С ним вместе приехали отец и брат. Остановились в избе неподалёку от дома священника. Укладываясь спать, родные, помимо цепей, скрутили бесноватого ещё и веревками, привязав их конец к крюку в матице. Ночью все проснулись от шума и крика. Бесноватый разорвал и цепи, и верёвки, и четыре мужика едва-едва смогли справиться с ним и снова уложить на лавку. Утром отец с братом повели болящего к отцу Алексию. Как рассказывали они потом, отец Алексей положил его на пол, им приказал стать по правую руку, а сам начал читать молитвы над больным, потом благословил и велел привести на другое утро. Уже после молитвы больной сделался тихим и ночью не бушевал. На другой день отец Алексей опять положил его на пол, но не молился, а только поставил на грудь икону Смоленской Божией Матери, потом благословил и отпустил с миром. Перед выездом из Бортсурман с бесноватого сняли в кузнице кандалы. Домой он отправился совсем здоровым.

И вообще много бесноватых возили со всех сторон к отцу Алексию, и все они выздоравливали по его молитве. Один бесноватый купец, которого привезли издалека и который выздоровел по молитве отца Алексея, в благодарность о своём исцелении пожертвовал в Бортсурманскую церковь чугунный пол.

Был отец Алексей не только целителем, но и прозорливцем.

Однажды бортсурманскому помещику Пазухину пришлось уехать по делам в Москву, и долго не было от него никаких известий, так что жена, Елизавета Николаевна, стала тревожиться. Жили они душа в душу. Прежде, когда муж бывал в отлучке, то писал ей часто, а тут нет писем и нет. Елизавета Николаевна не знает, на что и думать – не заболел ли, не случилось ли чего. И раз в таких думах застал её отец Алексей. Она очень обрадовалась, стала повествовать ему о своих переживаниях, а он будто и не слышит. Говорит:

– Вы о Екатерине Николаевне не горюйте, довольно она пострадала, пришла ей пора и отдохнуть.

А Екатерина Николаевна была родной сестрой Елизаветы Николаевны и жила в Москве. Батюшкины слова, разумеется, удивили Пазухину.

– А что это вы, батюшка, говорите про Екатерину Николаевну, как про покойницу? Здоровье у неё, конечно, и всегда было неважное, но, слава Богу, она жива.

А батюшка ей опять:

– Да-да, много она помучилась, но теперь отдохнёт. А Вы не горюйте.

С тем и ушёл.

И осталась бедная барыня в ещё большей тревоге – к переживаниям о муже прибавилось ещё беспокойство о сестре. А вскоре и письмо от мужа пришло. Оказывается, не писал потому, что, как думал, скоро вернётся, но задержала Екатерина Николаевна. Когда он прибыл в Москву, она хворала. Все думали, поправится, а она вдруг умерла. И умерла-то как раз в тот день и час, когда отец Алексей приходил.

У помещика Шпилова жила в усадьбе птичница Пелагея Тюрина. Её муж, Гаврила, был человеком жестоким и постоянно бил жену. И сама Пелагея и видевшие всё это безобразие соседи были уверены, что он когда-нибудь её убьёт. Как-то в отчаянии пришла она просить заступничества у отца Алексея. Помолившись вместе с нею, батюшка отпустил её с миром, сказав, чтобы она больше не беспокоилась, муж её больше не тронет. Ко всеобщему удивлению несколько дней подряд прошли спокойно. Потом приехал барин и вызвал к себе Гаврилу. Вышел он на себя не похожий – бледный, глаз не смеет поднять. Пелагея даже обмерла от

страха. Ну всё, подумала, сейчас станет бить, но муж не тронул её. Со страхом ждала она ночи, думая, что тогда уж точно ей смерти не миновать. Но и ночь прошла без побоев. А также и все последующие дни. И так до самой смерти, как и предсказывал отец Алексей, муж; ни разу больше не обидел её.

Бортсурманская крестьянская девушка Евфимия Аникичева собралась как-то идти в Киев на богомолье и пришла к отцу Алексею за благословением. Он сказал, что во время путешествия ей придётся нести тяжкий крест. Её это так напугало, что она подумала отказать от путешествия, но отец Алексей уговорил её не отступаться, надеяться на помощь Божию, уверяя, что это не последнее её паломничество, и что она потом ещё раз побывает в Киеве. Доверившись батюшкиному слову, Евфимия благополучно дошла до Киева. А на обратном пути разболелась. Больную, измученную, её никто не хотел принимать, когда она просила крова и отдыха. Лишь в одном месте ей дали кров на три недели. А через три недели, будучи ещё очень слабой, она пошла дальше и, как сама рассказывала потом, порою целыми днями лежала возле дороги, подчас продвигаясь даже ползком. Но до Бортсурман всё же дошла, а позже и в самом деле ещё раз побывала в Киеве.

После своего паломничества Евфимия частенько посещала отца Алексея – когда дров ему принесёт и печь истопит, а когда и полы и в его келье и во всём доме намоет. Как-то заметив на одежде отца Алексея кровь, Евфимия забеспокоилась – откуда бы. Под кроватью отца Алексея всегда лежал какой-то предмет, тщательно закрытый дерюгой. Мучимая любопытством, однажды, когда отец Алексей вышел на волю, чтобы не мешать ей прибираться, Евфимия развернула посмотреть, что это такое. Под дерюгой оказался плоский валун. «Так вот обо что батюшка разбил в кровь колени!» – подумала она. Поражённая увиденным, она окутала камень и уже хотела выйти, когда в келью вошёл отец Алексей, и с порога стал мягко выговаривать ей: «Знаешь ли ты, Евфимьюшка, что любопытство – большой грех? Никогда не следует тайком пытаться узнать то, что скрывают», – и строго-настрого наказал ей никому не рассказывать о том, что видела, до самой его смерти.

Курмышская мещанка Наталья Григорьевна Кузнецова рассказывала, что незадолго до своей смерти её мать, Ульяна Лукинична, решила посетить отца Алексея. Он, хотя и видел её в первый раз, тут же обратился к ней по имени: «Ульянушка, поберегись, смерть твоя на пороге». И в самом деле, вскоре после этого она вдруг внезапно скончалась от удара.

Одна старушка из деревни Козловки пришла как-то Великим постом ко всенощной в Бортсурманы. Стояла большая распутица. И она попросилась у отца Алексея на ночлег. Поскольку в доме места не было, отец Алексей устроил её в своей келье. Ночью она проснулась. В келье было почти темно, свет от лампадки выхватывал из мрака образ Смоленской Божией Матери, перед которым отец Алексей всё клал и клал поклоны. «Уж на что продолжительны Великопостные службы, а батюшка и ночью себе покою не даёт», – подумала она. С тем и заснула опять. Проснувшись другой раз, видит, что вся келья залита каким-то необыкновенным светом, и сам отец Алексей, стоя на воздухе с воздетыми руками, тоже весь светится. Старушка от страха закричала. Свет тут же исчез. Подойдя к старушке, отец Алексей стал успокаивать её. «Никому, – наказал ещё, – об этом не говори». И долго хранила она молчание, лишь после батюшкиной смерти стала рассказывать об этом близким людям.

* * *

С 1 (14) января 1848 года силы стали заметно покидать отца Алексея. В храм его уже водили родные. К Великому Четвергу Страстной седмицы он так ослаб, что не в силах был

даже самостоятельно встать, пройтись и вкушать пищу. Промучившись таким образом до 21 апреля (4 мая) 1848 года, ежедневно приобщаясь Святых Христовых Тайн, к великому горю всех знавших его, он окончил свою многотрудную жизнь. Говорят, день кончины его был ясный и тёплый. На площади перед церковью толпился народ. Сказали, батюшка из окошечка пожелал последний раз всех благословить. И многие, узнав об этом, пришли. Батюшка сидел у открытого окна, взор его переходил от иконы Смоленской Божией Матери к народу на площади. Многие тихонько плакали. Время от времени батюшка в открытое окно благословлял народ. И так до тех пор, пока не ослаб, и не испустил дух.

Похоронили его в церковной ограде, напротив алтаря. Памятник поставил один нижегородский помещик, который почитал отца Алексея за великого подвижника, был его духовным сыном и всю жизнь ездил к нему за молитвами и советом.

* * *

С тех пор не проходило ни одного воскресенья, ни одного праздника, чтобы на могиле отца Алексея не служили панихид. Почти все увозили с собой землю с могилки, и как целебную берегли, принимая с водой в случае болезни. Народ ждал открытия мошей, и много ходило толков о том, что настало время «выходить батюшке на землю». Ещё больше пошло об этом разговоров после случая с бортсурманским печником Герасимом Чудаковым.

Как-то родственники отца Алексея наняли Герасима поставить на могиле отца Павла Вигилянского памятник. Могила отца Павла была рядом с могилой отца Алексея. Герасим выкопал яму, положил брусья для поддержки памятника, а поскольку могилы были очень близко одна от другой, брусья пришлось упереть в могилу отца Алексея. Ночью Герасим – сам хорошенько не знает, во сне или наяву – услышал голос: «Герасим, неладно ты начал свою работу». Что же в ней неладного, спросил в удивлении тот. Голос ответил, что он должен бы знать, как знают и как говорят в народе, что должно отцу Алексею «выходить мощами», и что если он оставит брусья так, при вскрытии мошей памятник отцу Павлу придётся сломать, и работа его пропадёт даром. Поражённый Герасим наутро пошел посоветоваться с матушкой. Было решено переложить брусья так, чтобы они не касались могилы отца Алексея.

Ходит в Бортсурманах и такой ещё рассказ. Говорят, перед смертью отец Павел Вигилянский завещал похоронить себя рядом с отцом Алексием так, чтобы гробы их касались стенками. Когда начали долбить землю (время было зимнее), лом согнулся в дугу. Такая же история вышла и с другим ломом. В этом увидели указание, что это-де отец Алексей не пускает к себе отца Павла. И, отступив немного, уже без труда вырыли могилу, хотя и рядом с отцом Алексием, но всё же не вплотную.

Ещё рассказывают, что, умирая, отец Алексей говорил, что он не совсем уходит от народа, и кто будет его помнить, того и он не забудет. Тогда непонятны были его слова. Но вскоре всё объяснилось.

Некоторое время спустя после смерти отца Алексея привезла одна купчиха в Бортсурманы издалека безумную буйную больную мать. Узнав, что батюшку недавно схоронили, дочь заплакала, стала жаловаться на судьбу, что-де некому теперь помочь её матери. Дочь слезами заливается, а мать буйствует, непристойные слова выкрикивает, отца Алексея псом ругает. Тяжко стало дочери. Попросив добрых людей покараулить мать, пошла она на могилу к отцу Алексею. Отслужила панихиду, выплакала своё горе да пришла домой. Смотрит и глазам своим не верит: мать сидит на лавке и совершенно спокойно разумно со всеми разговаривает, словно и больной никогда не бывала.

Тогда понял народ, что значили батюшкины слова, и с тех пор стал ходить к нему на могилку, как прежде ходил к живому, и множество чудес стало происходить на ней.

Приведём некоторые из них.

* * *

Крестьянка села Ожгибовка Анна Аполлоновна несколько лет лежала неподвижно. Раз в бреду или во сне – она хорошо не помнит – увидела она двух старцев, которые коснулись её ног. Придя в себя, она почувствовала некоторое облегчение и дала обещание отслужить панихиду на могиле отца Алексея. Через силу собралась и с помощью добрых людей, а порою и ползком, добралась до Бортсурман и отслужила панихиду. Вскоре после этого она поправилась.

У другой ожгибовской крестьянки, Натальи Матюшиной, заболела десятилетняя дочь Анастасия. Несколько дней уже маялась она желудком, почти ничего не ела, тяжело дышала. Пришла мать к помещице за лекарством. Но лекарства у барыни не нашлось. Однако, подумав, дала она Наталье немного земли с могилки отца Алексея и велела, хорошенько помолившись, размешать земельку в воде и напоить дочь. Приняв воды, дочь сразу исцелилась.

Страдал так же желудком в Ожгибовке четырехлетний мальчик Шляпников. Особенно мучился и кричал он по ночам. Но как только, по совету добрых людей, мать дала ему немножко воды с земелькой с могилки отца Алексея, в ту же ночь ребёнку стало лучше, и он стал поправляться.

В 1893 году, схоронив мужа, вдова лесничего Наталья Петровна Мурзанёва, с грудной дочерью Верой приехала в город Курмыш. Девочка была слабенькая, малокровная, постоянно хворала, страдая какими-то непонятными припадками. Несчастливая мать обращалась к докторам, клала ребёнка в больницу – ничего не помогало. Когда девочке исполнилось пять лет, Наталье Петровне кто-то посоветовал свозить дочь на могилу к отцу Алексею и отслужить панихиду. В родительскую субботу отправилась мать с дочерью в Бортсурманы. Отстояла обедню, потом вместе с крестным ходом пошла на кладбище. Во время панихиды больного ребёнка посадили на землю возле могилки отца Алексея. С того дня у девочки бесследно прошли и припадки, и малокровие.

Бортсурманский крестьянин Иван Губин во время Японской войны служил в Сибири. Захворал он поносом и долго мучился, пока не вспомнил, что захватил с собой земельку с могилки отца Алексея. Всыпал он щепотку в посудину с водой, помолился, выпил несколько глотков, остальное передал другому больному бортсурманскому солдату, и оба выздоровели.

В 1908 году у Веры Александровны Пазухиной отравился маленький сын Саша. Жили они в городе. И случилось так, что помощник кондитера, подросток, рассердившись на повара, в отместку ему насыпал в шоколадную массу для конфет сильнодействующий яд. В городе было много отравлений, но о причине их догадались не сразу. Принесли конфет и Вере Александровне. Яд попал не равномерно, так что в семье отравился только Саша. Врач признал положение безнадежным и сказал, что придёт утром, чтобы поддержать Веру Александровну.

Мальчик уже вытягивался и холодел. Вера Александровна с верою размешала в воде земельку с могилки отца Алексея и влила мальчику в рот. Судороги сразу прекратились, а вскоре и тело потеплело. Пришедший поутру доктор, спросил: «В котором часу мальчик умер?» – «Он жив», – был ответ. И когда Вера Александровна рассказала, как исцелился её сын, доктор невольно воскликнул: «Да, это – чудо!»

Чудесное исцеление было и в семье бортсурманской крестьянки Прасковьи Сеяновой. Зимой 1911 года одна из её внучек, четырехлетняя Маша, тяжело заболела корью. Корь, нако-

нец, прошла, но девочка продолжала лежать пластом, ноги у неё отнялись и висели, как плети. Накануне Николина дня, престольного праздника в селе Бортсурманы (храм трёхпрестольный), Прасковья посоветовала дочери сносить Машу к причастию и отслужить панихиду на могилке отца Алексея. Мать всё исполнила.

На другое утро, 9 мая, все дети побежали в палатки, которые в этот день в Бортсурманах раскидывали на площади перед церковью. Вслед за ними потянулась и маленькая Маша, которая до того все время лежала неподвижно. Она сама надела чулки и башмаки и вышла за детьми на улицу.

А крестьянка Елена небасова исцелилась от зубной боли, приняв воды с земелькой с могилы отца Алексея.

Другая бортсурманская крестьянка, Аграфена Крылова, заболев лихорадкой, длительное время принимала по совету местного фельдшера разные лекарства, но ничего не помогало. Тогда мать принесла ей земли с могилки отца Алексея. Три раза приняла она её с водой – и лихорадка оставила ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.